

www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году

Выходит по средам

№ 10 (5915)
12 – 18 марта 2003 г.

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО

Двое в одной связке

Георгий Артемьевич Зедгенидзе был очень мобильный человек. Он много поездил по Европе и Америке, посетил основные радиологические центры мира, включая Институт имени Гюстава Русси в Париже и Институт радиологии в Гамбурге.

С именем Георгия Артемьевича связано новое направление в медицине – лечение лучевых повреждений. По инициативе директора ИМРа в Обнинске было открыто специализированное отделение. Благодаря применяемой там уникальной комплексной терапии тысячи пациентов смогли вернуться к полноценной жизни.

Г.А. Зедгенидзе умел подбирать специалистов и высоко ценил одаренных людей. В 1964 году он не побоялся принять на работу бывшего зека – выдающегося генетика-радиобиолога Н.В. Тимофеева-Ресовского, из-за которого позже пострадал и сам.

Они познакомились еще летом 1945 года в Берлин-Бухе. В этот городок Георгий Артемьевич был направлен генерал-полковником Н.Э. Берзариным в составе «трофейной» команды для изучения деятельности научных учреждений. Там ему представили русского ученого, который временно исполнял обязанности сбежавшего к американцам директора Института мозга Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма. Н.В. Тимофеев-Ресовский уберег аппаратуру и оборудование института от разграбления и порчи. Он уговорил не бежать на Запад ряд крупных специалистов, работавших в его отделе генетики и биофизики. Этим отделом Николай Владимирович руководил в течение 16 лет.

В Германию он был командирован в 1925 году по рекомендации видного генетика и зоолога Н.К. Кольцова – одного из основателей молекулярной биологии. Но в 1937 году молодой ученый, ставший уже известным в Европе и Америке, отказался вернуться на Родину, получив от своего учителя письменное предупреждение о гонениях на генетику и начале массовых репрессий в СССР.

Вторая встреча произошла почти 20 лет спустя – в 1964 году. Н.В. Тимофеев-Ресовский неожиданно явился в московскую резиденцию Г.А. Зедгенидзе, прочитав в одной из газет о конкурсе, объявленном на замещение должностей заведующих отделами и лабораториями экспериментального сектора Института медицинской радиологии. Николай Владимирович рассказал Георгию Артемьевичу, что он был арестован в сентябре 1945 года и осужден на 10 лет за невозвращение в Россию.

Когда Гёте на склоне лет спросили, кто, на его взгляд, больше прославил Германию – он или Шиллер, великий поэт-мудрец с улыбкой ответил: «Немцы должны гордиться, что у них есть два таких жеребца!» Перефразируя это шутовское высказывание, можно сказать: «Обнинцы должны гордиться, что в их городе жили и работали два таких «зубра»: генетик-радиобиолог Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900 – 1981 гг.) и радиолог Георгий Артемьевич Зедгенидзе (1902 – 1994 гг.) – основатель и первый директор медицинского радиологического научного центра РАМН.

Воспоминаниями о них делится зам. директора МРНЦ РАМН по научной работе профессор Борис Александрович Бердов, хорошо знавший обоих ученых.

К счастью, Н.В. Тимофеев-Ресовский отсидел лишь полсрока. «За большие успехи в научно-исследовательской работе» в 1951 году его освободили от отбывания наказания. Будучи заключенным, он заведовал биофизическим отделом и биофизической лабораторией объекта 0215 – Сунгульской «шарашки» в Челябинской области. В марте 1955 года судимость с Николая Владимировича была снята, но он так и не был реабилитирован (справедливость восторжествовала в 1992 году, уже после его смерти).

У Н.В. Тимофеева-Ресовского не оказалось никаких документов об образовании и ученой степени, поэтому оклад ему в Обнинске первоначально положили в размере 105 рублей в месяц. Для сравнения: его жена Елена Александровна как кандидат биологических наук получала 175 рублей. Однако сам Николай Владимирович никогда и ни на что не жаловался, утверждая, что «нам с Лелькой вполне хватает получаемых 280 рублей в месяц».

А ведь он участвовал в семинарах Нильса Бора в Копенгагене и еще в 30-х годах проводил собственные международные семинары для обсуждения широкого круга проблем теоретической биологии. Его идеи подхватили пять будущих лауреатов Нобелевской премии, и Н.В. Тимофеев-Ресовский наверняка бы им стал тоже (одна «теория мишени» чего стоит!), если бы его не запрятали за колючую проволоку.

После освобождения из заключения Николай Владимирович дважды защищал докторскую диссертацию (первый раз – в декабре 1957 года в Ленинграде, второй – в январе 1963-го в Свердловске), но оба раза ее не утверждал ВАК. Эта проблема была решена только благодаря вмешательству Г.А. Зедгенидзе. Он написал обстоятельный положи-

тельный отзыв на отвергнутую диссертацию и разъяснил председателю ВАК профессору Елютину нелепость создавшейся ситуации. В октябре 1964 года Н.В. Тимофееву-Ресовскому наконец была присуждена ученая степень доктора биологических наук, и он стал получать оклад 500 рублей в месяц, полагающийся ему как руководителю отдела общей радиобиологии и радиационной генетики.

В нашем институте этот замечательный человек проработал пять лет – с 1964 года по 1969 год. В 1965 году Чехословацкая Академия наук наградила Н.В. Тимофеева-Ресовского почетной Менделеевской медалью. В том же году ему была присуждена еще более престижная международная Кимберовская премия по генетике Академии наук США. По инициативе Г.А. Зедгенидзе эту награду американский посол вручил лауреату в Академии медицинских наук СССР в апреле 1967 года. Николай Владимирович был удостоен также Дарвиновской медали Академии наук естествоиспытателей Леопольдина в Галле (ГДР) и других почетных наград и званий.

Но я был свидетелем его отказа надеть свои иностранные регалии, когда ему позвонили из горкома КПСС и попросили прийти с ними на заседание бюро. «Я в этом городе, – гневно ответил он при мне по телефону, – кроме выговоров, ничего не заработал, и могу надеть только выговоры!» Это был протест против несправедливых идеологических гонений, которые обрушились на него в Обнинске, а затем коснулись и судьбы Г.А. Зедгенидзе. Николай Владимирович и Георгий Артемьевич оказались как бы в одной связке – как альпинисты, штурмующие опасные заоблачные высоты.

В середине 60-х годов на берегу Можайского моря в Подмоскowie была организована школа молодых ученых. Они взахлеб слушали лекции Н.В. Тимофеева-Ресовского о новых веяниях в радиобиологии и генетике, а также о корифеях науки, которых он близко знал – Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов, Нильсе Боре, Максе Планке, В. Гейзенберге, П. Йордане, Хаксли, М. Дельбрюке. Исключительно популярны были и молодежные «коллокви» – «трепы», которые Николай Владимирович проводил у себя дома. За столом, радушно накрытым Еленой Александровной, можно было поспорить обо всем на свете и услышать от хозяина массу интересного. Поэтому в гости к нему стремились попасть очень многие.

Дважды и мне довелось побывать в доме Тимофеевых-Ресовских. Я был приглашен к ним после того, как прооперировал Елену Александровну. У «бабы Лели», как мы ее звали, случился

лучил очередную зарубежную премию и на сертификаты, полученные за доллары, купил заветного угря в «Березке» (так раньше назывались недоступные для рядовых граждан магазины, где за валюту можно было купить любые товары). Елена Александровна, зная, что я был секретарем партийной организации клиники института, очевидно, проинструктировала мужа, чтобы он «держал язык за зубами». Но Николай Владимирович все же не выдержал и выдал очередной свой «антисоветский» афоризм. Помню: «баба Леля» так выразительно на него посмотрела, что он сразу «прикусил» язык и больше никаких подобных выпадов в тот вечер не допускал.

А во второй раз я оказался в гостях у них на масленицу. И попробовал изумительные блины, приготовленные «бабой Лелей».

Это было года за полтора до кончины Елены Александровны. Она запомнилась мне крепкой, высокой, сухой, подвижной женщиной с таким же нестигаемым характером, какой был у ее великого мужа. Вероятно, только ей удавалось гасить его вспыльчивый нрав, не терпящий никакой утды. А после смерти своей «Лельки» Николай Владимирович утратил желание жить... Елена Александровна умерла от ост-

замещал директора института, и первый секретарь горкома, вызвав меня к себе, сказал: «Смотри в оба, чтоб никакого шума! Соберется махровая компания диссидентов и может устроить антисоветский митинг! Нельзя этого допустить!»

Ситуацию разрядил приезд в Обнинск из Москвы директора Института медико-биологических проблем академика О.Г. Газенко, который давал «добро» на полеты практически всех советских космонавтов. Н.В. Тимофеев-Ресовский работал у него в последние годы жизни в качестве консультанта по вопросам космической биологии. Олег Георгиевич прибыл на похороны в генеральском мундире, со всеми своими многочисленными орденами и лауреатскими наградами. Он постоял у гроба в конференц-зале института (а до его приезда прощание хотели устроить в здании морга) и сам сказал на митинге несколько душевных слов о Николае Владимировиче.

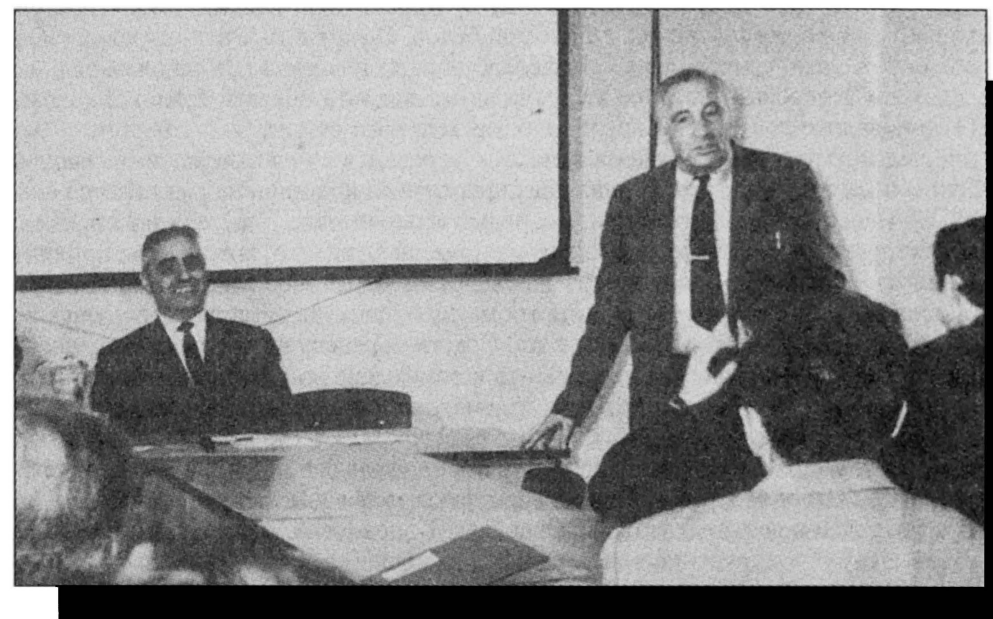
Своеобразное «уважение» к умершему проявили и «товарищи в штатском». Никогда я не видел на похоронах так много «посторонних» людей, которые ходили между чужими могилами и делали вид, что изучают надгробья.

Н.В. Тимофеев-Ресовский никогда не защищался от нападков и анонимок, которые потом использовали соответствующие органы Обнинска и Калуги. Он считал ниже своего достоинства писать какие-то оправдания и объяснения. «Доказывать свою честность и порядочность, – говорил он Г.А. Зедгенидзе, – смешно и глупо, так как это должно быть ясно каждому на всей жизни и деятельности человека».

Георгий Артемьевич целиком разделял эту точку зрения. Он наотрез отказался выполнить распоряжение первого секретаря Калужского обкома КПСС А.А. Кандренкова об отстранении Николая Владимировича от должности руководителя отдела общей радиобиологии и радиационной генетики ИМРа. Хотя тот в характерной для него манере пригрозил Г.А. Зедгенидзе по телефону: «Если завтра Тимофеев-Ресовский будет работать в институте, то послезавтра ты не будешь директором!»

Так оно, по сути, и случилось. Николай Владимировича вынудили уйти на пенсию в апреле 1969 года, а Георгия Артемьевича – через 2,5 года. Однако время все ставит на свои места. Ревнителей «идеологической чистоты» сегодня никто не вспоминает добрым словом, а 100-летие со дня рождения Н.В. Тимофеева-Ресовского, по решению ЮНЕСКО, отмечалось во всем научном мире. И не случайно, когда была учреждена памятная медаль В.Н. Тимофеева-Ресовского, Г.А. Зедгенидзе был награжден ею первым из российских ученых. Вслед за ним вскоре этой чести был удостоен и академик О.Г. Газенко.

Записал
Олег ЧЕЧИН

Обнинская связка: Г.А. Зедгенидзе и Н.В. Тимофеев-Ресовский

Маргарита СУХИНИНА

заворот слепой кишки, и мне крепко повезло, что эту кишку удалось развернуть без особых осложнений. По этому поводу был устроен грандиозный банкет с копченым угрем.

Я вырос на Волге, в Ярославской области, и рыбу очень люблю. Я в шутку обнюхал угря и спросил: «Откуда такая благодать?» И в ответ Николаем Владимировичем была сказана фраза, которая заставила вздрогнуть его жену: «Я бы изменил в ленинском лозунге: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация» на сертификацию всей страны!»

Оказывается «Зубр» в то время по-

рой сердечной недостаточности в апреле 1973 года, когда Г.А. Зедгенидзе уже вынудили уйти на пенсию. В день ее похорон в прощальном зале морга он оказался единственным из руководителей института, где она проработала вместе с мужем пять лет. Запрет на прощание с ней в ИМРе был отдан первым секретарем обнинского горкома КПСС И.В. Новиковым. Он непрерывно искал «врагов народа», а найдя, выжигал их каленым железом, как «идеологические сорняки».

Подобный инструктаж от него получил и я во время похорон Николая Владимировича весной 1981 года. Я тогда